

ОСНОВАНИЯ ЛАРИНГАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

В нашей предыдущей статье, которая была посвящена гипотезе моновокализма (О Шлейхере, Сосюре и моновокализме // Филология и проблемы преподавания иностранных языков: Сборник научных трудов. Вып. 2. – М.: «Прометей» МПГУ, 2006. – С. 17–29), мы сделали попытку восстановить обстоятельства появления данной гипотезы. Встав на позиции критикуемых нами ученых, мы попытались, следуя их логике, разыскать ее основания. Однако, рассуждая о моновокализме, а точнее отвергая его, хотим мы этого или нет, мы затронули нечто, лежащее за рамками предмета вышеназванной статьи, а именно проблему ларингалов и ларингальной теории. Что касается лично нас, мы не принимаем эту теорию ни в целом, ни в ее каких-то отдельных частях; наше отношение к ларингальной теории было и будет отрицательным. Мы хорошо понимаем, что, отвергая гипотезу моновокализма (для индоевропейского праязыка и для всех других языков), мы уже только этим выбиваем почву из-под ног ларингалистов. Но даже если бы мы и не написали упомянутую выше статью о моновокализме, и если бы ларингальную гипотезу приняли бы все лингвисты в мире, даже те многие, которые проявили к ней очень сдержанное отношение (Семереньи, 1980: 143–144), то и тогда можно было бы привести некоторые вполне весомые доводы против ларингальной гипотезы. Само постулирование ларингалов для праязыка, не говоря уже о чрезвычайно слабой обоснованности гипотезы о моновокализме, не имеет под собой достаточных оснований.

Во-первых, в древнем праязыке с резкими противопоставлениями фонологически значимых звуков очень трудно вообразить себе существование очень близких друг другу фонетически ларингальных согласных H_1 , H_2 , H_3 или E, A, O, как их обозначали раньше (чаще указывают именно три ларингала). Еще труднее, даже невозможно, вообразить себе десять различающихся ларингальных (в первом случае три ларингала артикулируются в гортани или же рядом, во втором – уже десять!; Семереньи, 1980: 141–142).

Во-вторых, «мифический» характер праязыковых ларингалов виден хотя бы из того факта, что их количество подгоняют к количеству якобы из них однажды возникших гласных (путем сочетаний с единственной первоначальной гласной фонемой *e*), а затруднения, возникающие при объяснении языковых фактов с помощью ларингальной теории, ларингалисты часто разрешают принятием новых ларингалов, обладающих именно такими свойствами, которые бы подходили для объяснения исключений в ларингальной теории прежнего вида (Семереньи, 1980: 155). В различных исследованиях ларингалисты «успешно» устанавливают для индоевропейского языка различное их количество: от двух у Ф. де Соссюра, трех у Г. Мёллера и Е. Куриловича (Семереньи, 1980: 139–140), четырех у американцев Э. Сепира, Э. Стёртеванта и У.Ф. Лемана (Семереньи, 1980: 141), пяти у В.М. Иллич-Свитыча, шести у Р.Ф. Адрадоса, до восьми у Я. Пухвела (Виноградов, 1998: 252–253) и десяти у А. Мартине (Семереньи, 1980: 141–142). Впрочем, некоторые лингвисты принимают всего один ларингал, например, О. Семереньи. Причем интересно, что Семереньи склоняется к мнению, что единственный индоевропейский «ларингальный ... был не чем иным, как *h*, то есть обычным заднеязычным спирантом» (Семереньи, 1980: 156). Мы в свою очередь считаем, что там, где можно успешно постулировать, причем с одинаковым успехом, от одного до десяти фонетически близких друг другу звуков, даже один постулировать проблематично. Ситуация с ларингалами может в ряде исследований доходить до абсурда. Например, Ж. Одри вообще не ограничивает число индоевропейских ларингалов: «Его невозможно определить ввиду того, что трудно согласовать результаты внутренней и сравнительной реконструкции» (Одри, 1988: 31), таким образом, он косвенно считает одинаково верными все известные точки зрения на их количество (мы же считаем их все одинаково ошибочными).

Материалы хеттского языка – единственное доказательство верности ларингальной теории – на самом деле не столь однозначны, как казалось в двадцатых-тридцатых годах XX века после известного открытия Е. Куриловича, что наглядно показывает О. Семереньи, приводя многие примеры противоречий хеттского и других индоевропейских языков. Таким образом, Семереньи приходит к выводу, что, несмотря на то, что «обычно хеттский язык привлекается в качестве главного подтверждения правильности ларингальной теории ... материал хеттского языка решаю-

щим образом свидетельствует против многих аспектов ларингальной теории в ее общепринятом виде» (Семереньи, 1980: 154).

Невозможно принять то, что количество ларингалов свободно подгоняется к количеству индоевропейских кратких гласных и к количеству особенных случаев их соответствия в индоевропейских языках, а также никак нельзя допустить для древнейших периодов жизни человека и, соответственно, праязыка виртуозное владение людьми голосовыми связками при производстве согласных (их смычка несколькими способами). Однако, мы усматриваем в основании ларингальной теории и другие слабые места. Например, до сих пор идут оживленные дискуссии относительно сущности ларингалов, среди ларингалистов до сих пор нет согласия по поводу того, были ли эти загадочные звуки согласными или они все же были гласными. Однако, в любом случае, ученые, принимающие ларингальную теорию, неразумным образом сводят все множество кратких индоевропейских гласных к такому же множеству других, постулируемых для случая, звуков праязыка. На самом деле это тупиковые рассуждения, которые ничего нам не дают (см. о хеттских параллелях выше), так как принятие этих ларингальных, всех с различными фонетическими характеристиками, вовсе не снимает задачи объяснения индоевропейского вокализма, а только вставляет в цепь языковых изменений совершенно лишнее звено. Это звено неуместно здесь, это только схоластика, «фонетическая алгебра»: у каждого гласного якобы был прототип, к которому он восходит, причем этот прототип был (каждый из них) с совершенно уникальными характеристиками, раз из него произошел такой гласный, который отличается от других, не смешивается с другими гласными. То есть, можно сказать, эти прототипы – это те же самые несколько видоизмененные гласные, к которым присоединяется первоначальный *e*, сохраняющий всегда свой характер, всегда единообразный *e*, и все эти прототипы под его воздействием (напомним, он всегда одинаков) претерпевают одинаково направленные процессы их изменения (мутации, модификации), в результате которых имеем на выходе *e*, *a*, *o* и так далее (возможны более сложные отношения для системы более чем из трех ларингалов).

Есть еще несколько интересных моментов, показывающих слабость ларингальной гипотезы. До принятия Мёллером третьего ларингала (E), общепринятой среди ларингалистов была точка зрения Соссюра, согласно которому в индоевропейском праязыке

однажды существовали лишь два ларингала, А и Ǫ, ответственные за появление как кратких *a* и *o*, так и долгих \bar{a} и \bar{o} . Сочетание *Ae* давало после стяжения *a*, сочетание Ǫ *e* — *o*; \bar{a} и \bar{o} (долгие) получались следующим образом: сочетание *eA* дает после стяжения долгий \bar{a} , а стяжение сочетания *e* Ǫ приводит к появлению долгого \bar{o} . Если мы соглашаемся с таким объяснением возникновения долгих гласных, то не разграниченными во времени получают у нас процессы, порождающие краткие гласные *a*, *o*, и процессы, ответственные за появление долгих \bar{a} и \bar{o} , (и там, и здесь у нас имеется сочетание того или иного ларингала с первоначальным *e*, различие первых и вторых процессов состоит только в порядке следования ларингала А или Ǫ и первоначального *e* в данных сочетаниях, см. выше). Но качественные различия индоевропейских гласных и количественные различия этих же самых гласных не могли появиться одновременно, это не просто маловероятно, это вовсе невозможно. Дифференциальный признак количества несомненно вторичен по отношению к дифференциальным признакам качества звука.

В ларингальной теории был и есть еще такой недостаток: долгий \bar{e} не удавалось получить точно таким же способом, как и долгие \bar{a} и \bar{o} (см. выше), ведь существовали всего два ларингала, которые были ответственны за появление \bar{a} и \bar{o} , но не было другого, особого ларингала, который, благодаря аналогичному процессу, способствовал бы появлению \bar{e} . И тогда Г. Мёллер и выдвинул предположение о существовании третьего ларингала *E* вдобавок к двум ларингалам *Sossюра*, его знаменитым А и Ǫ; он мог, в сочетании с первоначальным *e*, и после стяжения этого сочетания (*eE*), породить долгий \bar{e} . До Мёллера лингвисты, нарушая казалось бы стройную логику ларингальной теории, были вынуждены выводить долгий \bar{e} из сочетания *eA*. Неловкость ситуации заключалась в том, что сочетание *eA* у них, таким образом, в некоторых случаях превращалось в долгий \bar{a} , а в других случаях — в долгий \bar{e} . Но принятие Мёллером третьего ларингала и возникшая, благодаря этому, симметрия трех долгих гласных и трех соответствующих им ларингалов не внесли на самом деле больше порядка в ларингальную теорию. Возникновение *E* не упростило и не облегчило обоснование ларингальной теории (симметрия, порядок здесь — всего лишь иллюзия). Мы признаем ларингальную теорию большим заблуждением, не считая для себя возможным принять даже один ларингал для праязыка. Что на самом деле да-

ет принятие третьего ларингала Е? Давайте рассуждать логически. Итак, однажды существовали три ларингала, Е, А и О. Сочетаясь с первоначальным гласным *e*, каждый из них порождал долгий гласный: $eE = \bar{e}$, $eA = \bar{a}$, $eO = \bar{o}$. И в то же самое время этим же самым ларингалам мы обязаны появлением кратких гласных: $Ae = a$, $Oe = o$, и в этот момент мы хотели написать $Ee = e$, что давало бы полнейшую симметрию со всеми данными выше уравнениями, описывающими появление и долгих, и кратких индоевропейских гласных. А ведь это последнее уравнение $Ee = e$ — не что иное, как полнейший нонсенс (вместо полнейшей симметрии). Ларингал Е сочетается с первоначальным гласным *e*, чтобы его же и произвести на свет! То есть наш первоначальный *e* сам себя производит, в какой-то определенный момент его еще нет, но в то же самое время он уже есть, чтобы участвовать в вышеописанном сочетании звуков! Но ведь вся теория ларингалов покоится на этом особенном первоначальном *e*, который якобы был самой первой гласной фонемой индоевропейского праязыка, который сам от ларингалов не зависел и не требовал для себя предварительного существования «своего» ларингала. Постулирование существования Е подрывает гипотезу моновокализма, а через это и саму ларингальную теорию. Предположение о существовании первоначального единственного гласного *e* лежит в основании ларингальной теории как краеугольный камень, выдерни его — и все рухнет. Хотим мы этого или нет, без гипотезы моновокализма ларингальная теория в ее общепринятом виде существовать не может (о других, еще более причудливых версиях ларингальной теории и рассуждать не стоит).

Из этой затруднительной ситуации несколько путей выхода: возможно, ларингала Е никогда не было, но тогда и долгого \bar{z} не могло бы быть, хотя краткий *e* мог существовать прежде (появившись неизвестно как раньше других гласных), если же ларингал Е существовал и выполнял те же функции, что и другие два ларингала, то долгий \bar{e} мог возникнуть параллельно долгим \bar{a} и \bar{o} , но зато не могло существовать краткого *e*, который предшествовал всем другим гласным, что приводит к подрыву всей теории, потому что отрицает возможность появления и долгих \bar{a} и \bar{o} , и кратких *a* и *o*, ведь тогда нет того звука, который должен сочетаться с вышеуказанными ларингалами. Может быть, ларингалы сочетались не с *e*, а с каким-нибудь другим звуком? Но, ставя на его место любой другой гласный звук, мы придем к тем же самым ре-

зультатам, к которым уже пришли. Если кому-то придет в голову идея постулировать первоначальный гласный, отличный как от *e*, так и от *a* и *o*, то ему рано или поздно придется постулировать еще один дополнительный ларингал, соответствующий этому первоначальному гласному, и так без конца, потому что это замкнутый круг. Если же ларингалы производили гласные звуки без участия какого-либо первого особенного гласного, тогда картина возникновения гласных в данной теории меняется радикально. Тогда в основе ларингальной теории будет уже не гипотеза моновокализма, а нечто другое. Мы должны будем принять параллельный одновременный переход нескольких согласных звуков в несколько гласных звуков (в возможность такого перехода лично мы не верим), причем их связь попарно объяснить трудно. Можно, конечно, предположить наличие у наших согласных звуков качеств, сближающих их с возникающими позже гласными. Эти согласные, очевидно, сильно напоминали наши появляющиеся позже гласные. Но что же мы имеем в этом случае? Не что иное, как абсолютно лишнее звено в цепочке звуковых изменений (см. выше). Некоторое количество ларингалов превращается ровно в такое же количество гласных, которые близки им фонетически. Смысла в таких превращениях нет, по крайней мере, для нас (что толку толочь воду в ступе?).

Итак, что же объясняет ларингальная теория, что она дает исследователю языка? Ее польза для объяснения происхождения индоевропейского вокализма практически равна нулю, и многие ученые впустую тратят время и силы, сопоставляя хеттские слова и слова других индоевропейских языков в своем стремлении найти закономерности в использовании хеттской графемы *h* и таким образом найти в хеттском объяснение всего индоевропейского вокализма. Между тем, Семереньи писал, определяя ценность хеттских материалов с учетом всех досадных несовпадений в обосновании ларингальной теории с их помощью: «Очевидно, все попытки увязать хетт. *h* с ларингальной теорией заводят в тупик. Следует признать, что предполагать ларингальный надо не в зависимости от качества гласного, а только в том случае, если он представлен в хеттском языке» (Семереньи, 1980: 155). Значит, не индоевропейский вокализм, существующий во многих современных языках, приводит к постулированию ларингалов, а только хеттский материал. Таким образом, косвенно ценность хеттского *h* признается только для доказательства особенностей хет-

тского языка, и поэтому этот звук может быть использован, на наш взгляд, только для постулирования в хеттском же языке каких-либо особых ларингалов или, возможно, особого придыхания, аналогичного греческому густому придыханию, а за пределами хеттского языка этот *h* ничего не значит. Правда, сам Семереньи все-таки делает из этого вывод о существовании именно индоевропейского ларингала, причем он был единственным, но вовсе не гортанным, а «обычным заднеязычным спирантом» (Семереньи, 1980: 156). Что же заставляет Семереньи в такой ситуации поддерживать идею индоевропейских ларингалов? Дело в том, что индоевропейские долгие гласные (однако не все) Семереньи считает продуктами сочетаний кратких гласных с этим *h* (Семереньи, 1980: 155–157). Такая интересная трактовка Семереньи ларингальной теории замечательна еще и тем, что он принципиально отвергает гипотезу о моновокализме, лежащую в самой основе ларингальной теории точно так же, как и так называемые ларингалы. Он пишет, что до сих пор не найдено ни одного языка, обладающего одним гласным, и, следовательно, такой язык в принципе невозможен, значит и наш индоевропейский язык не мог иметь лишь один гласный (Семереньи, 1980: 153–154).

Своеобразный эклектизм взглядов Семереньи наблюдается также в его отношении к проблеме индоевропейского вокализма в смысле происхождения кратких гласных. О. Семереньи считает, что для индоевропейского праязыка нужно постулировать пять кратких гласных, а не три, но гласные *i* и *u* возникли дважды: сначала как собственно гласные, и затем, позже, в результате ослабления из *ei* и *eu* (Семереньи, 1980: 153). Таким образом, он косвенно считает глайд в дифтонге и соответствующий ему гласный исторически независимыми звуками, которые совпали позже благодаря особым процессам ослабления в результате переноса ударения, а их артикуляционная близость друг другу якобы случайна и ни о чем не говорит. Этот эклектизм – не что иное, как попытка примирения трех не совсем совместимых направлений в языкознании, а именно концепции натурализма, концепции младограмматизма и концепции индоевропейского вокализма, предлагаемой ларингальной теорией. В первой постулируются три кратких гласных *a*, *i*, *u*, во второй – три кратких гласных *a*, *e*, *o*, в то время как *i* и *u* – изначально и до ослабления – были согласными, и, наконец, ларингальная теория в разных изложениях исходит из наличия одного гласного *e*, который во взаимодей-

ствии с разным числом ларингалов порождает краткие и длинные гласные (Семереньи отрицает гипотезу моновокализма, но приемлет происхождение долгих гласных благодаря взаимодействию с ларингальным *h*, см. выше).

Сможете ли Вы, дорогой читатель, по прочтении данной статьи отрицать, что ларингальная теория дает фантастические, неправдоподобные и заранее подстроенные под что-либо объяснения? Нет, мы не верим в такой Ваш ответ. Лингвист обязан всегда помнить о следующем: все, что появляется в его рассуждениях, то есть реконструируется им, должно жить по внутренним законам языка, подчиняться его правилам, а не нашим желаниям (это важно с точки зрения, например, затрат времени и сил). А ведь ларингальная теория заранее подстраивается в смысле количества ларингалов под результат на своем выходе, то есть под якобы возникшие из первоначального гласного *e* под воздействием ларингалов (или под возникшие из ларингалов под воздействием первоначального гласного *e*) различные гласные. Таким образом, число ларингалов зависит только от числа гласных на выходе изобретаемого ларингалистами процесса и количества особых необъяснимых соответствий рефлексов индоевропейских гласных. Любое затруднение, любая проблема решается ларингалистами принятием еще одного ларингала, ему приписывают как раз те качества, которые нужны им, ларингалистам, чтобы выйти из затруднения. На самом деле, ларингальная гипотеза (она же теория) существует вне языка, только в умах ряда лингвистов, которые навязывают индоевропейскому языку то, чего в нем никогда не было.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В.А.* Ларингальная теория // *Языкознание. Большой энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
2. *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. – М.: Прогресс, 1980. – 408 с.
3. *Одри Ж.* Индоевропейский язык // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21. Новое в современной индоевропеистике: Переводы / Редкол.: В.А. Звегинцев (пред.) и др.; Сост., вступ. ст. и общ. ред. Вяч. Вс. Иванова.* – М.: Прогресс, 1988. – 560 с.